

Лыков Кирилл Александрович

соискатель

ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

г. Таганрог, Ростовская область

**«ОСТРОВ САХАЛИН» А.П. ЧЕХОВА В СВЕТЕ ОЦЕНКИ
РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В. ПОЗНЕРОМ**

***Аннотация:** данная статья представляет собой филологическую дискуссию с позицией В. Познера относительно русской журналистики, высказанной в открытой лекции о журналистике в России в Мультимедийном пресс-центре РИА. Аргументы автора статьи основываются на анализе произведения А.П. Чехова «Остров Сахалин».*

***Ключевые слова:** русская журналистика, принципы журналистики, фактография, языковая семантика, казуальные отношения, синтаксис публицистического текста, модально-авторская оценка.*

Цель данной статьи рассмотреть произведение А.П. Чехова «Остров Сахалин» в свете оценки русской журналистики В. Познером. «В России никогда не было журналистики», [5] – категорически утверждает он в открытой лекции, прочитанной для коллег. Мотивируется мнение отсутствием в России независимых друг от друга трех реальных властей: *исполнительной, судебной и законодательной*. Своя логика в этом процессе рассуждения есть, но она не является единственной. Зачастую именно «борьба внутренних противоречий» является «источником движения», «движущей силой и источником всякого развития» [2, с. 124]. Исходя из этого, журналистская деятельность вовсе не обязательно реализуется в условиях гармоничного сосуществования всех властей. Напротив, их несоответствие (это подтверждают и события в мире) как раз и формирует противоречия, чреватые противодействием, которое становятся мощным рычагом изменений в развитии гражданского общества. Осмелимся утверждать, что журналистика в России всегда была и есть, пример тому «Остров Сахалин» А.П. Чехова, ярко и полно иллюстрирующий слова В. Познера: «Патриотизм

журналиста – это показать, где плохо. Потому что больше никто не покажет». Напомним, что одолеваемый недугом писатель понимал, чем он рискует, отправляясь на Сахалин, чтобы увидеть и дать возможность увидеть другим, как живут заключенные.

Несколько странно выглядит утверждение В. Познера о том, что «были блестящие журналисты в смысле умения, но не было журналистики». Не совсем понятен смысл противопоставления (*но*) данных предикаций. Если *журналистика* употреблена в прямом словарном значении, а именно: «способность, навык выполнять какую-либо работу, делать что-либо с большим мастерством, искусством» [1, с. 586], то трудно понять содержание каузальных отношений, в которых *блестяще* выполненная работа бесплодна. Негативный вывод не соответствует и направленности словообразовательной деривации (*журналист (журналистика)*), четко подтверждаемой семантически: журналистика – это результат работы *журналиста*.

Отрицание журналистики в России мотивируется В. Познером отсутствием у нее основных, сформулированных им принципов:

1. «Говорить правду». Подозревая возражения на предмет того, что «правда бывает разная», лектор оговаривается: «По крайней мере, для себя быть уверенным, что ты говоришь правду». Но самоцензура – сомнительный детектор лжи.

2. «Уметь держать в узде собственные симпатии и антипатии». Это трудно-выполнимое требование, поскольку в журналисты идут люди, имеющие, как правило, гражданскую позицию. Кстати, в другом фрагменте своей лекции В. Познер справедливо утверждает, что есть такие ситуации, когда нужно быть «либо за, либо против».

3. «Быть объективным». С этим тезисом не поспоришь. Качественная работа требует стараний, иначе она легко превращается в недобросовестную халтуру.

4. «Нельзя научиться журналистике. Факультет журналистики – это издевка». Это слишком категоричное утверждение. Если речь идет не о гениях, то без широкой гуманитарно-филологической базы вряд ли состоится журналист.

В конце лекции звучат утешительные слова В. Познера: «У меня нет задачи говорить, что все в России было плохо [это была бы крайне сомнительная оценка – К.Л.]. Я просто пытаюсь объяснить, почему нет журналистики и почему она будет не скоро. Потому что должен измениться национальный менталитет, должен измениться взгляд на жизнь. А это не происходит в одно поколение или в два». И далее лектор продолжает: «Я человек не сильно религиозный, как известно, но в этой истории есть замечательная мудрость, потому что рабское не отпускает. Поэтому состояние журналистики сегодня в России – я кончу позитивной нотой – замечательное, учитывая, откуда мы идем». Такое унизительно-обнадеживающее заключение на фоне мощной, широко представленной русской публицистической мысли, в том числе и соответствующей злобе дня (не важно, называть этот жанр журналистикой или нет), кажется, по меньшей мере, странной.

Покажем, что «Остров Сахалин» А.П. Чехова – «капитальный труд, посвященный проблеме колонизации края ссыльным населением» [3, с. 99], – обладает признаками поистине настоящей журналистики, которые перечислены и не перечислены В. Познером. Перечислим их:

1. Тщательная подготовка к поездке. Брат Михаил сообщает, что собрался Антон Павлович неожиданно, «так что в первое время трудно было понять, серьезно ли он говорит об этом или шутит» [4]. О серьезности намерений говорило изучение лекций по уголовному праву и тюрьмоведению, материалов о Сахалине.

2. Забота о журналистской независимости, хлопоты о получении свободного пропуска, чтобы показали на каторге все. «Его беспокоило, пишет Михаил, что его поездке могут придать официальный характер» [4].

3. Готовность преодолеть все трудности, угрожающие здоровью и даже жизни. Михаил вспоминает один из драматических эпизодов на судне, когда к брату подошел капитан и посоветовал «все время держать в кармане наготове револьвер, чтобы успеть покончить с собой, когда пароход пойдет ко дну» [4].

4. Стремление к фактографической точности. Михаил пишет, что Антон Павлович, прожив на Сахалине «более трех месяцев, прошел его весь с севера на юг, первый из частных лиц сделал там всеобщую перепись населения, разговаривал с каждым из 10 тысяч каторжных и изучил каторгу до мельчайших подробностей. Проехал он на колесах свыше четырех тысяч верст, целые два месяца при самых неблагоприятных условиях» [4].

Примечание: страницы цитат из прозы А.П. Чехова даются в круглых скобках с указанием тома сочинений (С.) или писем (П.).

5. Скромность в оценке своего труда. Чехов пишет А.С. Суворину о том, что «поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит на это ни знаний, ни времени, ни претензий». (П., 4, 31) [6]. Писатель в шутливом тоне пишет о цели поездки: «Я хочу написать хоть 100–200 страниц и этим немножко заплатить своей медицине, перед которой я, как Вам известно, свинья» (П., 4, 31); «Нужно пожалеть только, что туда еду я, а не кто-нибудь другой, более смыслящий в деле и более способный возбудить интерес в обществе» (П., 4, 33). Посмеивается над мотивами поступка: «я хохол и стал уже лениться. Надо себя дрессировать» (П., 4, 31).

6. Стремление к проверке знаний самыми верными источниками. Писатель признается: «Быть может, я не сумею ничего написать, но все-таки поездка не теряет для меня своего аромата: читая, глядя по сторонам и слушая, я многое узнаю и выучу. Я еще не ездил, но благодаря тем книжкам, которые прочел теперь по необходимости, я узнал многое такое, что следует знать всякому под страхом 40 плетей и чего я имел невежество не знать раньше» (П., 4, 31).

7. Уверенность в необходимости информации о Сахалине – «месте выносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный». «Жалею, – пишет он, – что я не сентиментален, а то я сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку, а моряки и тюрьмоведы должны глядеть, в частности, на Сахалин, как военные на Севастополь. Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы

гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и всё это сваливали на тюремных красноносых зрителей» (П., 4, 32).

8. Обращение к православным канонам с целью пробудить совесть верующих, вызвать их активное сострадание напоминанием о том, что «не сделали ничего для больных и заключенных, нарушив таким образом самую главную заповедь христианской цивилизации» (П., 4, 32).

Вера в духовное возрождение русских людей даже в жутких условиях. Именно после поездки на Сахалин, вспоминает Михаил, Антон Павлович «держался того мнения, что сила духа в человеке всегда может победить в нем недостатки, полученные в наследственность» [4].

В принципиальном подходе к поездке столько чувства долга, живого участия в человеческих судьбах, гражданского гнева и тяжелой фактографической работы, что они абсолютно меняют манеру письма Чехова, показывая, как бесконечно широка его эмоционально-стилевая палитра. Та жизнь, о которой он пишет, потребовала других языковых красок, более свойственных перу журналиста, и они были найдены.

Произведение «Остров Сахалин» имеет скобочный подзаголовок – (Из путевых записок) (С., 14, 39). Это действительно было путешествие с преодолением огромных опасных пространств на примитивных, ненадежных транспортных средствах – экстремальное, как сказали бы сейчас. Наблюдения писателя тоже путевые, о чем свидетельствует доминирующий в произведении вид речи – повествование. Главным его признаком является динамичность речи находящегося в постоянном пути писателя, что отражено в синтаксисе текста с доминирующими односоставными сказуемыми предложениями, позволяющими все внимание сосредоточить на процессах, наблюдаемых и фиксируемых автором. Это различные по составу бессубъектные предложения с неопределенно-личным сказуемым: «...В трясине работали по пояс в воде...» (С., 14, 77). Неопределенно-личное предложение может быть обусловлено слишком многочисленным

и многообразным субъектом, чтобы его передать в полном составе: «Теперь поговаривают о другом промысле <...>. Скупают за бесценок халаты, рубахи, полушубки, и всю эту рвань сплавляют для сбыта в Николаевск» (С., 14, 80). Видимо, торговым промыслом занимались все слои населения острова. В границах одного предложения могут быть различные неопределенно-личные субъекты, и неизвестные, и предполагаемые: «Не знаю, за что его *прислали на Сахалин* <...>, когда человек, которого еще так недавно *звали* отцом Иоанном и батюшкой и которому *целовали* руку, стоит перед вами навтыяжку, в жалком поношенном пиджаке, то думаешь не о преступлении» (С., 14, 114–115).

Каждая глава «Острова Сахалин» снабжается кратким планом, первым пунктом которого является география места, его административное деление, расселение на нем людей. В этих фрагментах текста преобладает описание, чаще обобщенное, подчеркивающее печальную типичность нечеловеческого существования: «В одной избе, состоящей чаще всего из одной комнаты, вы застаёте семью каторжного, с нею солдатскую семью, двух-трех каторжных жильцов или гостей, тут же подростки, две-три колыбели по углам, тут же куры, собака, а на улице около избы отбросы, лужи от помоев...» (С., 14, 129). Неизменность картины подчеркнута адвербиальным суперлативом *чаще всего*, обобщенно-собирательным субъектом *вы*, вариативность (или) касается лишь количественного состава присутствующих в избе

Описание снабжено модально-авторской оценкой: «...Заняться нечем, есть нечего, говорить и браниться надоело, на улицу выходить скучно – как всё однообразно уныло, грязно, какая тоска!» (С., 14, 129). Завершает картину конец дня в семье каторжного, где глубина горя приобретает поистине драматический характер. Масштаб народной трагедии подчеркнут фольклорными приемами: наименованием субъектов и предикатов в авторском тексте (*муж-каторжный хочет есть и спать; жена начинает плакать и причитывать; проворчит солдат; все позаснуло; дети переплакали и уgomонились; баба не спит, думает и слушает, ее мучает тоска, жалко мужа, обидно за себя, не удержалась и попрекнула*) и в чужой речи (*погубил, проклятый, пропала моя головушка, пропали*

дети; завывала). Жуткая повторяемость картины передана предложением: «А на другой день опять та же история» (С., 14, 129).

Перо Чехова в цифрах точно и скрупулезно фиксирует неприглядную статистику, что не мешает прозе быть живой, захватывающей, выдающей мобильного автора. Описание мест, где он останавливается, весьма лаконично – его больше интересует жизнь людей. Недолго любителю писатель Николаевском – «местом величественным и красивым» (С., 14, 41), – с горечью заключая, что «воспоминания о прошлом этого края, рассказы спутников о лютой зиме и о не менее лютых местных нравах, близость каторги и самый вид заброшенного, умирающего города совершенно отнимают охоту любоваться пейзажем» (С., 14, 41). «Обыватели ведут сонную, пьяную жизнь и вообще живут впроголодь, чем Бог послал» (С., 14, 41), а контрабандисты гордятся тем, что они потомственные (С., 14, 42). Думал ли Чехов в то время, что подобная гордость в будущем поразит не только о. Сахалин.

Картины увиденного столь бесчеловечны, что перед ними меркнут любые эмоции, и автор не проявляет их, больше подавленный, чем впечатленный ужасом увиденного. И чем картина страшнее, тем скупер писательское слово. «Одного арестанта, – бесстрастно сообщает писатель, – сопровождала пятилетняя девочка, его дочь, которая, когда он поднимался по трапу, держалась за его кандалы» (С., 14, 44).

Общие наблюдения автора завершаются конкретным, фактографическим примером, что придает повествованию особую достоверность: «Пока ссыльный молод и крепок, то старается убежать возможно подальше, в Сибирь или Россию. <...> В Корсаковском посту живет ссыльнокаторжный Алтухов, старик лет 60 или больше, который убегает таким образом: берет кусок хлеба, запирает свою избу и, отойдя от поста не больше как на полверсты, садится на гору и смотрит на тайгу, на море и на небо; посидев так дня три, он возвращается домой, берет провизию и опять идет на гору...» (С., 14, 344). Обобщенный образ молодого ссыльного, страстно стремящегося к свободе, заканчивается повествованием о

ссылнокасторжном старике, Алтухове, имеющем точное местожительство, фамилию, возраст и очень впечатляющую манеру почувствовать себя свободным. В этих его бегах тоже все конкретно: нехитрая провизия, отношение к избе, длина пути, состояние старика на вершине горы, время пребывания на ней, возвращение домой и повторение этого действия опять и опять.

А.П. Чехов хорошо знал русского человека, он четко разделял образы, рожденные художественным вымыслом, и реальных людей, трагические судьбы которых он показывал всему миру. Писатель понимал, что они нуждаются в его непосредственной поддержке, поэтому писал о них с уважением и верой в их возрождение, пророчески завещая эту веру и нам всем, ныне живущим.

Список литературы

1. Кондаков Н.И. Логический словарь. – М.: Наука, 1971. – 656 с.
2. Милых М.К. Своеобразие стиля «Острова Сахалина А.П. Чехова // Чеховские чтения. – Изд-во Ростовского университета, 1974. – С. 99–116.
3. Чехов М.П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. – СПб.: Азбука-классика, 2010. – 288 с.
4. Чудаков А.П. Мир Чехова. – М.: Наука, 1986. – 384 с.
5. Открытая лекция о журналистике в России в Мультимедийном пресс-центре РИА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pozneronline.ru/2013/05/4880/>
6. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. – М.: Наука, 1974–1982.